

Дирижер лингвистического оркестра

Призвание Андрея Грошева – служить преодолению языковых барьеров

Дипломат, переводчик президентов, специалист по письменному переводу и эксперт по проблемам СБСЕ/ОБСЕ – все это Андрей Грошев, но сверх того, он – первый в истории Организации начальник ее Лингвистической службы. Закончив Московский государственный институт иностранных языков с дипломом по русскому, английскому и французскому устному переводу, он пять лет проработал синхронистом в Отделении ООН в Женеве. За этим последовала служба в российском МИДе в течение 20 лет, 17 из которых А. Грошев провел в поездках в Вену и Женеву на совещания по осуществлению хельсинкского Заключительного акта и советско-американские переговоры о контроле над ядерными вооружениями. Незадолго до того, как в конце августа завершился семилетний срок службы г-на Грошева в Секретариате ОБСЕ, стажер Отдела прессы и общественной информации Надя Пучинян расспросила его о том, что собой представляет мир устных и письменных переводчиков и как чувствует себя человек, которому довелось бывать буквально в центре событий, вошедших в историю отношений между Востоком и Западом.

Надя Пучинян: Правду ли говорят, что синхронными переводчиками не становятся, а рождаются?

Андрей Грошев: Действительно, некоторые люди, как бы долго они ни учились, практически не в состоянии приобрести способность слушать речь на одном языке и почти одновременно воспроизводить ее смысл на другом. Среди ученых существует мнение, что дело здесь в недостаточной плотности нейронных волокон, связывающих левое и правое полушария, из-за чего мозг просто не может достаточно быстро обрабатывать информацию.

Еще одна сложность в том, что при синхронном и последовательном переводе задействуются разные виды памяти. В голове синхронного переводчика информация удерживается лишь недолго, что обычно не позволяет впоследствии восстановить содержание услышанного. Напротив, последовательные переводчики, располагаящие несколько большим временем для формулирования мысли на другом языке, часто используют запись и полагаются не только на краткосрочную, но и на долгосрочную память, благодаря

чему они, как правило, могут впоследствии вспомнить, что переводили.

Вы работали переводчиком сначала в ООН, а потом – в МИДе своей страны. Можно ли сказать, что и там, и там перевод организован примерно одинаково?

В международных организациях, и ОБСЕ здесь не является исключением, устные переводчики всегда переводят *на родной язык*. Поэтому в английской переводческой кабине в конгресс-центре «Хофбург», где ОБСЕ заседает практически ежедневно, прерывая свои встречи лишь три раза в год, работают только «носители» английского языка, на который они и переводят выступления, звучащие на языках других стран; в русской же кабине вы встретите только синхронистов, чей родной язык – русский.

А вот на двусторонних дипломатических переговорах переводят всегда *с родного языка* на иностранный – то есть не для своей, а для противоположной стороны. Так делают потому, что считают – на мой взгляд, обоснованно – что официальные переводчики, особенно кадровые работники соответствующих министерств

Кабины синхронных переводчиков в зале заседания «Нойер» Хофбурга.
Фото: ОБСЕ/
Михаил Евстафьев

ЧАСТНОЕ ФОТО

Женева, 19–21 ноября 1985 года. Андрей Грошев рядом с Михаилом Горбачевым на первой встрече советского лидера с президентом США Рональдом Рейганом. Также на фото – министр иностранных дел СССР Шеварднадзе и руководитель аппарата Р. Рейгана Дональд Риган.

ств, хорошо знают суть обсуждаемых вопросов и могут лучше передать ее на другом языке.

Особенно это относится к российской переводческой школе. И тех, кто переводит устно, и тех, кто занимается письменным переводом, у нас, в отличие от других стран, называют одним словом – *переводчик*. Эти люди одновременно являются и дипломатами, имеющими доступ к конфиденциальным документам, то есть им оказывается высокое доверие. При встречах «с глазу на глаз» в роли переводчика нередко выступает советник, записи которого служат потом основным источником информации для принятия решений в соответствующих ведомствах.

А что можно сказать о практике устного и письменного перевода в ОБСЕ по сравнению с Отделением ООН в Вене?

Мы руководствуемся одними и теми же высокими международными стандартами и нормами, тесно консультируемся и сотрудничаем между собой, но при этом наши конкретные нужды, конечно, различаются.

У ООН и ОБСЕ четыре общих официальных языка – английский, французский, русский и испанский. В ОБСЕ к ним добавлены немецкий и итальянский, а в ООН – арабский и китайский.

Важным преимуществом для нас является то, что в ОБСЕ заседают главным образом руководители и сотрудники постоянных делегаций в Вене, которые хорошо знакомы с работой наших синхронных и письменных переводчиков и могут оценить ее качество. В ООН с ее многочисленными комитетами и рабочими группами делегаты постоянно сменяют друг друга. У нас же делегации поддерживают со мной прямую связь, и я могу непосредственно доводить их отзывы до сотрудников Лингвистической службы. Это делает нас более восприимчивыми к потребностям тех, для кого мы работаем. Должен сказать, что я вообще не мыслю себе этот процесс как-либо иначе.

При Вас Лингвистическая служба расширилась, и Вы весьма органично вошли в новую роль, предполагающую более широкий круг обязанностей. Как это произошло?

В прошлом функции руководителя Лингвистической службы ограничивались наймом устных и письменных переводчиков. Ситуация изменилась в результате общей реорганизации Секретариата ОБСЕ в 2000 году, когда в рамках Службы конференций в ведение Лингвистической службы был передан контроль документации.

Это позволило мне шире применить на практике имеющийся у меня опыт, идет ли речь о сверке, утверждении и официальном заверении письменных переводов, контрольном прослушивании синхронных переводчиков или решении вопросов, волнующих наших сотрудников и тех, кто пользуется их услугами. Помогает и то, что мне самому доводилось быть «потребителем» лингвистических услуг, когда я входил в состав российской делегации в ОБСЕ.

Какие требования предъявляются в ОБСЕ к письменным и устным переводчикам?

Большинство наших переводчиков – выпускники признанных на международном уровне специализированных учебных заведений, обладатели университетских дипломов по таким специальностям, как языкознание и политология.

Они обязаны владеть по меньшей мере двумя иностранными языками. У некоторых – по три языка. Есть даже такие, кто знает все шесть официальных языков ОБСЕ.

Вы можете представить себе, как нелегко бывает синхронно и письменно переводить дискуссии, ведущиеся в Постоянном совете, Форуме по сотрудничеству в области безопасности, Консультативной комиссии по открытому небу и Совместной консультативной группе, где обсуждается соблюдение Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Там используются термины, которые приходилось заново «придумывать» на других языках. Вот почему мы прибегаем к услугам только самых опытных синхронистов и письменных переводчиков.

Вы подолгу работали переводчиком у таких крупнейших деятелей, как советские лидеры Михаил Горбачев и Борис Ельцин и министр иностранных дел Евгений Примаков. Вам не приходило в голову когда-нибудь издать мемуары?

Пока не думал об этом. Наверное, мои воспоминания об этих дипломатических встречах не так важны, как воспоминания их основных участников.

Могу сказать следующее: я был резервным переводчиком Горбачева с 1985 года до его отставки в 1991 году, переводил на встречах между ним и американскими президентами Рональдом Рейганом и Джорджем Бушем-старшим. Важнейшей из них, конечно, была самая первая встреча Горбачева и Рейгана в Женеве в ноябре 1985 года, положившая начало оттепели в советско-американских отношениях.

Затем я стал официальным англоязычным переводчиком президента Ельцина, которым оставался в течение почти всего его президентского срока – с 1992 по 1998 год. С Ельциным

мне работать нравилось. Даже без бумажки он говорил спокойно и четко, что очень облегчало мою задачу.

Я знаю, что переводчики не должны распространять о своей работе, и все же не могли бы Вы хоть немного рассказать об их столь увлекательной жизни?

Один эпизод, который мне пришлось наблюдать непосредственно, произошел после церемонии подписания основополагающего акта Россия – НАТО 27 мая 1997 года, в котором, кстати, содержался призыв к укреплению ОБСЕ. Лидеры государств встречались в небольшом парижском ресторане, и хотя при каждом был собственный переводчик, служба протокола сперва настаивала, что присутствовать на обеде может только один из нас. Выбор пал на российского переводчика, так как русским языком владело наименьшее число участников встречи.

Так я оказался между Борисом Ельциным и Биллом Клинтоном, а напротив меня сидел Жак Ширак. Их беседу мне пришлось переводить и на английский, и на французский. По ходу встречи организационный вопрос удалось решить, и к нам присоединились переводчики с американской и французской стороны.

До этого, в марте того же года, в Хельсинки произошла одна из особенно тесных встреч – важнейший разговор между «Борисом» и «Биллом», как два президента любили называть друг друга. Оба они в тот момент поправляли пошатнувшееся здоровье – Клинтон после хирургической операции на правом колене, а Ельцин – после коронарного шунтирования. Обе стороны были обеспокоены рядом моментов в таких областях, как контроль над вооружениями и проблема расширения НАТО, и пару раз переговоры оказывались под угрозой срыва.

И вот Клинтон изъявил желание поговорить с Ельциным наедине, без их обычного окружения.

Обычно при такой беседе Клинтон должен был сопровождать его переводчик, но поскольку встрече хотели сделать как можно менее официальной, было решено, что переводить буду я один.

До сих пор вспоминаю эту сцену: оба лидера медленно движутся в укромный угол зала, а между ними никого, кроме меня. Прихрамывая на своих костылях, Клинтон кладет руку на мое плечо, как бы для опоры – и почти инстинктивно тоже самое делает Ельцин. Мне тогда показалось, что оба они хотели выразить этим жестом чувство дружбы и взаимного доверия. В тот волнующий момент меня между ними как будто не стало – а ведь именно этого, если вдуматься, больше всего хотят первые лица от своих переводчиков: чтобы те были незаметными.

Хельсинки, ноябрь 1997 года. Андрей Грошев (стоит слева) «нашептывает» президенту Клинтону слова президента Ельцина.

Надя Пучинян была первым стажером из России в Отделе прессы и общественной информации ОБСЕ. Сейчас она заканчивает работу над диссертацией в Московском государственном университете международных отношений.

Коротко о Лингвистической службе ОБСЕ

Устный и письменный перевод в ОБСЕ обеспечивается в соответствии с международными правилами и при учете особых потребностей Организации, на основе принципов гибкости, прагматизма и рентабельности, но без ущерба для профессионализма.

- В основной состав Лингвистической службы входят 12 синхронных и 12 письменных переводчиков, нанимаемых внештатно, на местной основе, сроком на одну сессию, продолжающуюся от трех до четырех месяцев. Годовое расписание заседаний ОБСЕ включает три сессии.
- Шестью рабочими языками ОБСЕ являются английский, испанский, итальянский, немецкий, русский и французский. Решение об этом зафиксировано еще в так называемой «Голубой книге» – в Заключительных рекомендациях, принятых в итоге хельсинкских консультаций 1973 года, где определен порядок проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

- Устным переводом обеспечивается до восьми регулярных заседаний в неделю. Синхронные переводчики обслуживают также встречи ОБСЕ на высшем уровне, встречи Совета министров и заседания Экономического форума.
- Синхронисты работают в кабинетах попарно, сменяя друг друга каждые полчаса. Продолжительность их работы может составлять не более трех часов подряд и ограничивается двумя заседаниями в день с не менее, чем полуторачасовым перерывом между ними.
- Основной объем письменных переводов (95 процентов) делается с английского на другие языки ОБСЕ; на втором месте – переводы с русского на английский (около 4 процентов общего объема).

